

ЛЕКЦИЯ 17

Я рассказывал вам в прошлый раз о том, как понимался брак в Ветхом Завете. Брак имел значение прежде всего продолжения рода для будущего царства Мессии, чтобы достигнуть в своих потомках вечного блаженства в мессианском царстве. Поэтому у евреев допускался ливератный брак, поэтому и все понимание брака у них существенно отличалось от того, как понимала его православная Церковь.

Вы помните, что в древнееврейском ветхозаветном понимании брак не воспринимался только как некий союз любви, хотя у нас есть ветхозаветные тексты, которые воспевают любовь супружескую (Книга Песни Песней Соломона). Тем не менее в браке не это было самое главное. Даже понятие о вечном значении брака не могло быть таким, как у нас, потому что представление о вечной жизни было совсем иным.

Когда мы возвращаемся к христианскому православному пониманию брака, мы не можем ограничиться только ветхозаветной историей, потому что христианское учение, безусловно, должно было как-то реагировать и, если хотите, вырастать из связи с той античной культурой, теми античными древнегреческими, римскими учениями, которые оно застало, которые нельзя было игнорировать, когда в христианство пришли греческие народы.

Естественно, что для понимания православного учения о браке нужно обратиться еще и к истории брака языческого. Я уже вас предупреждал о том, что учение о браке является весьма и весьма сложным в составе христианского вероучения. И сегодня опять говорю об этом, потому что довольно трудно объяснить православное учение, особенно в наше время, по разным причинам.

Во-первых, сейчас мы очень сильно испорчены довольно длительным советским периодом. Но не только этот атеистический период сильно повредил наше восприятие брака. Уже и в православной России, да и в Греции, понятие о таинстве брака весьма сильно трансформировалось. Здесь очень сильно было влияние католичества. Даже в православном богословии учение о браке не получило должного освещения, оно остается очень трудным и проблематичным даже до наших дней.

Я постараюсь объяснить вам то, что я сам понимаю и что мне удалось почерпнуть в разных источниках, но не знаю, сумею ли я донести это до вас. Хочу вас предупредить. В силу сложности, непростоты этого учения кто-то из вас так и не сможет уяснить его. Не спешите обличать меня в ереси, сначала спросите, что вам непонятно, и, может быть, я смогу со второго или с третьего раза вам объяснить ту православную позицию, которая является существенно важной для нас. Если мы не поймем православного учения о браке, то вряд ли мы сможем в дальнейшем вообще совершать таинство брака правильно, вряд ли мы сможем понимать жизненно важные моменты во многих житейских коллизиях, связанных с браком, которых очень много. И не только для пастыря, но и для всякого преподавателя Закона Божия, всякого воспитателя, педагога, катехизатора очень важно понимать православное учение о браке. Но это требует серьезного напряжения, нам придется поработать, заглянуть в историю.

Прежде всего нужно вспомнить о том, каким было отношение к браку в Древнем Риме. Потому что государство, в которое пришел Господь Иисус Христос, было римским государством. Оно было не сию минуту создано, имело уже свою длинную историю и утвер-

— 2 дилось в истории как одна из самых великих эпох государственности. Римское государство создало правовые нормы, нормы гражданской жизни, которые стали основой для государств всех последующих эпох. Именно государственная норма, или идеал, Рима в очень большой степени повлияли на будущие представления о законодательстве, о социальном, общественном, гражданском и даже религиозном устройении жизни.

Необходимо посмотреть, как в Древнем Риме понимали брак. Как вы знаете, там были свободные люди и были рабы. И была такая презумпция, что закон существует только для свободных граждан Рима, рабы не являются объектами закона. Для рабов не существует законной жизни, не может быть норм законной жизни. Между свободными римлянами мог быть заключен брачный союз, брачный договор. И поскольку именно Рим имел такой особенный пафос юридического устройства жизни, то и здесь учение о браке носит на себе сильные черты юридизма. Брак понимался именно как договор, юридический договор между свободными гражданами. Между рабами такого договора быть не могло, поэтому между ними не могло быть и брака в понимании Римского государства, могло быть только сожитительство, или ..... (?). Такое сожитительство признавалось как некая наличная реальность, но никто не усваивал ему каких-либо юридических основ. Это сожитительство не могло иметь юридической защиты, то есть хозяин рабов мог свободно разлучить, скажем, мужа и жену или взять их детей; он мог распорядиться ими по своему усмотрению, и римское право этого не запрещало.

Для нас существенно здесь другое — то, что брак понимался именно как договор. Мы видим, что католическое богословие, которое, как всегда, и здесь находилось под очень сильным влиянием римского юридизма, усвоило себе именно такое понимание брака: брак как договор. Конечно, договор между язычниками Рима был договором чисто земным, государственным, и имел силу до тех пор, пока

договаривающиеся стороны были живы. У католиков, естественно, трансформируется понятие о договоре, потому что они вовсе не чужды понимания того, что брак есть таинство. Они, конечно, верят в благодатную таинственную жизнь Церкви, в духовную жизнь, у католиков есть христианское понимание о вечной жизни, о Царстве Божием, и они понимают, что церковный христианский брак есть некое новое состояние, которое утверждается благодатью Божией. Но зная об этом, они не могут преодолеть римского юридического подхода и считают, что таинство брака — это особенный мистический момент договора, который будет иметь вечную силу. То есть брак не перестает быть договором, он остается им, как у римлян, но только уже не земным, а небесным. Это договор, который заключается в вечности, заключается на Небе.

Это очень существенно для нас. Мы должны это усвоить, чтобы понять православное учение о браке. Если брак есть договор, который действует, пока живы договаривающиеся стороны, то естественно, что у католиков, когда договор получает как бы вечное значение, не может быть и речи о разводе. Развод невозможен, потому что договор заключен благодатным образом на Небе, и это неотменимо. Это не может быть разрушено человеком, поэтому развод категорически невозможен, он не существует. Но если один из вступивших в брак умер, то договор теряет силу в римском понимании. И католики, как это ни удивительно, усвоили такой же взгляд. Для них тоже земная смерть одного из супругов означает, что договор как бы уже не имеет той силы даже и на Небе, которую он имел прежде, и поэтому возможен второй

— 3 брак.

Православный взгляд на таинство брака совершенно иной. Брак не есть договор с точки зрения православной. Вообще это не договор. Брак есть таинство. Брак есть некий дар любви неразрушимой, Божественный дар любви. Этот дар нужно хранить и развивать, но он может быть утерян. Это не юридическая категория и не юридический акт — это момент духовной жизни. Поэтому таинство брака православными воспринималось как момент принятия благодати Божией, как момент совершения некоего чуда соединения, когда силой Божией два человека соединяются воедино.

Именно это является центром православного понимания брака. Если юридический брак заключается между язычником и язычницей, то брак христианский заключается, совершается между христианином и христианкой. Возможно, это покажется вам тавтологией, но здесь очень важно понять, что брак имеет свое достоинство в зависимости от того состояния, в котором находятся брачующиеся. Не от того, какой обряд будет совершен над ними — не в этом главное. Главным является то, кем являются по существу вступающие в брак по своему сердечному устроению. Если, например, теперь часто бывает, когда крещенные люди приходят в церковь и хотят повенчаться, но по своему сердцу они христианами не являются, то естественно, что брак будет христианским только по форме, но он не может стать христианским по существу. Как нельзя, например, соединить между собой два куса железа иполучить золото, так и здесь — нельзя, соединивши в браке двух не православных людей, получить православный брак. Это немыслимо, какие бы мы ни употребили при этом формы.

Таким образом, именно состояние души брачующихся определяет смысл события, которое происходит в браке. Конечно, это не только для брака так, это верно для любого таинства, но в других таинствах это как бы более понятно и очевидно. Скажем, если человек приходит ко Крещению формально, он не может усвоить данную ему благодать — это вещь очевидная, не требующая разъяснения. Здесь же мы говорим несколько о другом. Мы говорим о том, что люди, которые приходят формально к таинству брака, не только не могут усвоить того, что совершается над ними, но они по существу и не могут стать той православной семьей в онтологическом смысле, которой является православный брак.

Вы помните, что в таинстве брака есть такие слова: "Венчает в плоть едину". Эти слова нужно понять не только как просьбу или констатацию простого единства будущих мужа и жены, но речь идет о единстве мужа и жены в Теле Христовом, в единой плоти Церкви. Это именно так потому, что ап. Павел уподобляет брак между мужчиной и женщиной браку между Христом и Церковью и говорит: "Тайна сия велика есть". Так что, соединяя будущих мужа и жену, благодать Божия соединяет их в Церкви, в теле церковном, а это возможно только в том случае, если они являются членами Церкви, если они являются чадами Церкви, находятся в составе Тела Христова. Тогда их брак будет действительно христианским таинством. И поэтому древние христиане таинство брака совершали особенным образом в некотором смысле. Всякое другое таинство имело свой образ. Например, при крещении погружали в воду, таинство дарования Духа Святаго совершалось возложением рук архиерея или потом через миропомазание.

Вы знаете, что через рукоположение совершалось таинство священства. Но таинство брака, о котором я говорю, что оно совершалось особым образом, не имело никакого особенного образа.

— 4 Оно совершалось только лишь совместным причащением у Чаши Христовой. Конечно, общее причащение жениха и невесты было не таким, как теперь, когда мы говорим: "Если хотите повенчаться, то приходите обязательно вместе причаститься". И вот в толпе причастников находятся двое, ничем не

выделяющиеся и никому не известные как собирающиеся венчаться, но они вместе причащаются. Не так, конечно, это было.

Церковная община знала, что они сегодня получают благодатный дар, сегодня совершается их брак на небесах. И, конечно, они приходили к Чаше Христовой вместе по благословию епископа и причащались с особой молитвой, испрашивая у Бога благодатный дар любви и единства. Епископ читал обычно очень краткую молитву о них при этом. Потом это делал священник. Но все-таки само таинство совершалось именно через Св.Причащение Тела и Крови Христовой. Ничего более не требовалось, чтобы совершить это таинство, не было никакого другого обряда, никакого другого особого действия. Потому что два члена Церкви внутри Церкви соединялись воедино. Они вновь обновляли свою церковную жизнь, причащаясь Тела и Крови Христовой вместе, это и было их соединением "в плоть едину".

Это нужно понять. Переживание древними христианами таинства брака было именно таким, это было чудо, которое совершалось в Евхаристии. Конечно, когда Церковь была гонима, не могло быть и речи о том, чтобы такое совершение брака было как-то особенно отмечено наподобие древних брачных обрядов, которые существовали, конечно, до христианства, существовали и в Ветхом Завете, у евреев, существовали у греков, у римлян — у всех язычников, и были очень часто пышными, разработанными. Всего этого не могло быть во времена гонений, когда сама Евхаристия совершалась втайне. Но когда Церковь перестала быть гонимой, она не стала отвергать всю эту наличную жизнь, которая была дорога людям и вполне могла принять и воцерковить все то, что не противоречило христианской жизни. Нужно было только преобразить эту наличную жизнь и освятить ее.

Конечно, те, кто вступал в брак, очень скоро стали совершать это весьма торжественно. Их приводили в церковь в сопровождении друзей, иногда это было какое-то особенное шествие со свечами; конечно, были разные атрибуты, дары, брачные наряды. Например, у древних греков был обычай невестам обрезать волосы, потому что необрезанные волосы были принадлежностью девства. Полагалось обрезать их и принести в храм Дианы — покровительницы брака. И обрезание волос, и всякие прически, украшения, наряды, и другие торжественные атрибуты вполне могли быть воцерковлены. И, конечно, теперь брачующиеся были приводимы в церковь с большим торжеством и в этих особенных нарядах приступали к Святой Евхаристической Чаше. Но по-прежнему само таинство брака совершалось именно здесь, в их общем причащении — и больше ничего. Может быть, были еще какие-то краткие молитвы, было церковное благословение епископа. Но само таинство совершалось именно так.

Для того чтобы уяснить православное учение о браке, нам придется обратиться к тем проблемам, которые, казалось бы, прямо с таинством брака не связаны. Например, к проблеме второбрачия. Как я уже говорил, у католиков второбрачие стало законодopusным, но в древней Церкви второбрачие было невозможным. Потому что понимание брака евангельское, в соответствии со словами Христа, предполагало моногамию, т.е. единобрачие. Потому что соединенные благодатью Св.Духа воедино муж и жена остаются соединенными навеки. И даже смерть не может и не

— 5 должна разлучить их единство, и всякое второбрачие будет разрушением этого единства, как бы отвержением того дара, который они испрашивали у Бога. Тем не менее у ап.Павла в одном из его посланий есть слова, где он повелевает, чтобы вдовы выходили замуж, рожали детей и жили семейной жизнью.

Нет ли здесь противоречия? Противоречия здесь нет, потому что речь идет о разных вещах. Есть идеальное представление о воле Божией, о том, что устраивает Господь Своим Промыслом, Своей святой волей, каким является брак по замыслу Божию. И есть наличная жизнь, которая от замысла Божиего слишком часто, к сожалению, отличается, и слишком сильно отличается. Но Церковь всегда обращена к наличной реальности, она не может заблуждаться на тот счет, что реальная жизнь очень часто не достигает идеала. Идеал далеко не всегда достигим. Задачей Церкви является всегда спасение грешника, нужно прийти к тому реальному человеку, который сегодня не умеет жить идеальной жизнью, и постараться его преобразить, подвинуть на жизнь праведную. Нельзя поставить ему невыполнимые задачи.

И вот существует экономия церковная — домостроительство, такой принцип, когда ради пользы церковной допускаются некоторые компромиссы. Из двух зол Церковь выбирает меньшее. И вот руководствуясь такой экономией церковной, ап.Павел повелевает вдовам выходить замуж во второй раз, чтобы препятствовать худшему нарушению церковной жизни — блуду. Пусть лучше они выходят замуж во второй раз, и не будет совершаться блуд. Это указание ап.Павла нужно обязательно сопоставить с его другим словом, когда он говорит, что советует соблюдать каждому свою деву. Вы помните, наверное, такие слова, когда спрашивают апостола, следует ли выдавать замуж девиц, дочерей своих. Для нас эти слова могут показаться странными, для нас не подлежит сомнению, что следует дочерей выдавать замуж, но для первохристиан это было не так, потому что они жили в напряженном ожидании конца мира. Они иногда буквально верили в слово Христа о том, что не пройдет род сей, как все сие будет, т.е.

еще не умрут те, кто был свидетелем пришествия Христова, как уже совершится конец мира. А если так, то следует ли выходить замуж, устраивать семьи, есть ли в этом смысл?

Примерно такое значение имел этот вопрос, обращенный к ап. Павлу. Ап. Павел отвечает на этот вопрос совершенно иначе, он отвечает как бы навечно, он знает, что не обязательно конец мира наступит теперь же, и дает ответ, который может быть полезным для всех поколений: лучше каждому соблюдать свою деву, т.е. не выдавать ее замуж, потому что, выходя замуж, она будет иметь скорби по плоти. "А мне вас жаль", — говорит апостол. И дальше он говорит, что всем желает быть таким, как он оставаться в девстве.

Но здесь можно сказать, что речь уже идет об особом образе жизни — о монашестве. Тогда монашества еще не было, но именно монашеская девственная жизнь имеется в виду. Ап. Павел говорит, что этот образ жизни более высок. Как видите, ап. Павлу совершенно не свойственно снижение первохристианского понимания брака. И не из тех соображений, что он хочет снизить этот образ, он разрешает второбрачие и повелевает вдовам выходить замуж. Он говорит об этом из соображений дисциплинарных, чтобы предотвратить худшее зло.

Тем не менее вопрос о второбрачии здесь до конца еще не разрешен. Церковь допускала вторые браки — это для нас очевидно. Но, если хотите, она их не благословляла. Не в том, конечно, смысле, что ни один священник никогда никого не благосло

— бвил во второй раз выйти замуж или жениться. А в том смысле, что Церковь с самого начала второй брак понимала как некую уступку немощному человеческому естеству, немощной человеческой природе, и послабление, конечно, крайне нежелательное в принципе. Это видно из того, что каждый, кто желал вступить во второй брак, с точки зрения Церкви совершал как бы некий грех.

Вот человек женился или девушка вышла замуж, а муж ее потом умер. Конечно, Церковь не может не видеть в этом Промысла Божия. Это, конечно, означает, что воли Божьей нет на то, чтобы ей жить в браке. Раз так, надо принять эту волю и остаться одинокой. С точки зрения церковной здесь все ясно. Но если человек немощен и не может нести крест одиночества, то здесь явным образом проявляется его греховная немощь, греховная природа, и поэтому второбрачие воспринимается как некое отступление, некий грех и, конечно, должно подвергаться епитимье. Епитимьей же в древней Церкви с самого начала было отлучение от Чаши Христовой, Поэтому второй брак не мог заключаться таким образом, как заключался первый, т.е. те, кто вступал во второй брак, не могли причаститься Св. Христовых Таин, иначе говоря, таинство здесь уже не совершалось. Из этого явствует, что Церковь второй брак просто не допускала, его не было в принципе как таинства, он был лишь как наличное состояние грешного человеческого рода.

Потом, однако, когда страсти улеглись, когда жизнь вступивших во второй брак как бы входила в колею и люди как бы принимали на себя новый грех в этой жизни, со временем, увидев, что в их сердце уже не бушуют страсти, которые не позволяли им остаться одинокими....., епитимья, которая на них налагалась (отлучение от Чаши), была как бы исполнена, они впоследствии вновь допускались к Чаше, они могли причащаться. То есть они допускались в полноту церковной жизни, но их брак никогда не был равноценным первому браку, не становился подобным ему, тем, чем мог быть только один брак.

Для того чтобы дальше проследить эволюцию совершения таинства брака в истории, нам нужно будет обратиться к 10 веку. Тогда в Византии осознание жизни христианской было таким, что и само государство постепенно делалось некоей составной частью церковной жизни. Соответственно и Церковь начинала пониматься как некая неотъемлемая часть жизни государства. Такое понимание жизни неоднократно приводило к тому, императоры византийские проявляли весьма активную церковную законодательную инициативу. В конце 9 — начале 10 века император Лев VI издал так называемую 89-ю новеллу, в которой он выражает сожаление о том, что браки в предшествующих законах рассматриваются лишь как гражданские формальности, и постановляет, чтобы брак, не получивший церковного благословения, впредь не назывался браком, а назывался лишь незаконным сожителем. Иными словами, только церковное заключение брака отныне придает ему законную действительность. Это действие императора Льва, которое, вероятно, произвело на вас впечатление как проявление большого благочестия, имело в истории чрезвычайные последствия.

До сих пор очень часто в Церкви мы слышим такие слова: если ты не венчался, то ты блудник. Очень часто священники с амвона говорят о том, что те, кто не венчался, те блудники и поэтому их нельзя причащать. И на исповеди очень часто тех, кто не повенчан, заставляют каяться в блуде, потому что они не венчаны и их жизнь не может быть признана браком. Это сегодняшнее сознание очень многих христиан и очень многих священников. Это сознание восходит, как видим, к императору Льву VI, к — 7 9-10 веку Византии. И хотя оно выглядит как очень благочестивое начинание, на самом деле оно имело для Церкви, для самого таинства брака самые бедственные, самые разрушительные последствия.

Дело в том, что здесь Церкви навязывается совершенно не свойственная ей функция. Церковь имеет в этом мире одну задачу — она являет здесь Царство Божие и надмирна по своей природе. Ей не могут принадлежать функции этого мира, она не может на себя брать задачи государственные, юридические, не может заниматься общественной жизнью, политикой и т.д. Ее задача — благодатствование человека, соединение его с Богом, возведение его от земной жизни к жизни небесной. Здесь же, в этой новелле, Лев VI усваивает Церкви некие функции современного загса. Церковь должна отныне регистрировать браки, чтобы они получали некое законное оформление. И если такая регистрация Церковью не совершается, то люди не могут жить семейной жизнью. По силе этой новеллы эти люди оказываются блудниками, т.е. людьми заведомо как бы осужденными и выпадающими из правильной гражданской жизни. Дело не в том, что Церковь выдавала какие-то свидетельства, хотя она, конечно, должна была и свидетельства выдавать о том, что совершилось венчание. Но просто самому венчанию усваивалась функция законодательного оформления брака.

К тому же понятно, что как только это было утверждено, Церковь попала в очень тяжелое положение. В Церковь стали приходиться все вступающие в брак. И Церковь уже не могла отказать им в таинстве брака, потому что они желали жить супружеской жизнью. Они были крещеными, и не было оснований им отказать. А коли так, то нужно было совершать это таинство, и очень часто совершать его как бы формально. Перед Церковью встала проблема: как сохранить святая святых ее жизни — Евхаристию. В самые страшные времена гонений, когда Церковь вынуждена была идти на разные компромиссы, иногда очень тяжелые, она все-таки сохраняла Евхаристию, сохраняла ее святую, ее святость и неприкосновенность. Здесь же сама Евхаристия оказывалась под ударом, потому что к ней стали приходиться совершенно чуждые Церкви люди. Каждый вступающий в брак должен был прийти и причаститься Св.Христовых Таин, потому что именно это было заключением брака, его таинством.

Как всегда, среди тех, кто называл себя христианами, истинных христиан было мало. Настоящая Церковь всегда была малым стадом. И Церковь всегда старалась охранять Божественную Евхаристию от людей, которые, по существу, не были членами Церкви. Поэтому здесь совершается нечто для нас удивительное: Церковь меняет в принципе чин совершения таинства брака. Таинство брака отделяется от Евхаристии. Если раньше оно совершалось в самой Евхаристии, внутри ее, как никакое другое таинство, через причастие, то теперь Церковь постановляет, чтобы таинство брака совершалось другим образом. Именно в 9 веке вырабатывается чин венчания.

Конечно, венцы и раньше возлагались на брачующихся, они именно в венцах приходили причащаться Св.Христовых Таин. Но теперь возложение венцов приобретает смысл совершения таинства, а не причастие Св.Христовых Таин. Это то, что называется часто секуляризацией, то есть отделением брака от Евхаристии.

Конечно, здесь остается проблема венчания второбрачных, хотя она уже в значительной степени снята, поскольку таинство брака теперь уже не связано неразрывно с Евхаристией. Но для — 8 второбрачных составляется отдельный чин венчания. Если молитвы чинопоследования брака обычно бывают очень торжественными, радостными, то молитвы чина второбрачных имеют покаянный смысл. В них говорится о немощи естества и испрашивается милость и прощение у Бога. Но и то, и другое теперь как бы вне Евхаристии, утрачена та определенность, которая существовала в древней Церкви, когда первый брак совершался как таинство, а второй брак не совершался как таинство. Теперь венчание совершается и там, и здесь, нет того противопоставления, нет той чистоты, той ясности в учении Церкви.

Более того: если Церкви навязано законное оформление брака, то она вынуждена и снимать это законное состояние брака, благословлять разводы, что не только не свойственно ей, но и невозможно для нее, потому что здесь есть прямой запрет Христов: "Что Бог сочетал, того человек да не разлучает. Разводы не могут благословляться Церковью никогда, ни в каком смысле. Но если Церкви усвоено законное оформление брака, то некуда деться — браки распадаются в жизни, следовательно, то законное состояние, которое Церковью зарегистрировано, должно быть Церковью и снято. Появляются бракоразводные комиссии, бракоразводные дела, начинает действовать церковный суд, появляется специальное законодательство о том, когда допускаются и когда не допускаются разводы.

Все это совершенно чуждо природе Церкви. И в этом смысле наш 20 век, который Церковь освободил от не свойственной ей функции законной регистрации гражданских состояний, приблизил нас к древним временам и дал Церкви возможность снова понимать свою жизнь более ясно, чисто, естественно и просто. И надо сказать, что несмотря на многие и многие несовершенства нашей современной церковной жизни, разводы Церковью не благословляются. Вы никогда не найдете ни одной бумаги, где Московская патриархия благословляет развод. Слава Богу, этого нет.

Как же обстоит дело все-таки с разводом? Мы не можем не задать этот вопрос, так как разводов сегодня как никогда много и совершаются вторые браки и даже третьи, и венчания совершаются. Как же Церковь себя ведет в этом случае?

У многих впечатление такое, что сейчас Церковь вообще ни на что не смотрит и все приемлет. Но это не так или не совсем так. В действительности Церковь, как я уже говорил, всегда обращена к реальной жизни, она всегда стремится наличную реальную жизнь возвести к жизни духовной, к Царствию Божию. Не отменить ее, не разрушить ее, не игнорировать ее, эту жизнь, а преобразить, восстановить ее, исцелять болящего — вот задача Церкви. А разводы, которые сейчас совершаются так часто, это сегодняшняя реальность. Церковь их не благословляет, но если они существуют, то встает вопрос: как быть?

Для того чтобы уяснить этот вопрос, очень важно обратиться к тому евангельскому тексту, где Господь запрещает развод. Вы помните эти слова: "Что Бог сочел, того человек да не разлучает". Но есть и продолжение: ".....прелюбодения". То есть, иначе говоря, развод возможен, казалось бы, если совершилось прелюбодение. Но это не так, это не значит, что Христос благословляет разводиться — разводиться по существу. Само прелюбодение — это и есть расторжение брака. Брак как единство уже не существует, это единство разрушается грехом прелюбодения. Недаром этот грех приравнивается Церковью к убийству. То единство, та единая жизнь, то единое существо все это умерщвлено грехом прелюбодения, больше ничего этого нет и брака не существует. Брак был заключен, совершен та

— 9 инством Церкви, благодатью Божьей, но человек его разрушил. И поскольку брака больше нет, то Церковь это принимает как факт. И Христос принимает это как факт, поэтому и говорит, что развод законный является просто констатацией того факта, что брака больше нет.

Подобно этому и теперь, когда совершается развод по чьейто- вине, Церковь просто констатирует, что брака больше нет. Люди, которые получили дар супружеского единства во Христе, этот дар не сберегли, не сохранили его. Они, может быть, над ним надругались, разрушили брак, и Церковь констатирует этот грех.

Но не только этот грех совершается в жизни. Вся наша земная жизнь пронизана грехом, и Церковь приходит исцелить нашу греховную жизнь. И этот грех тоже может быть исцелен, хотя бы отчасти. Поэтому Церковь, когда находит это правильным и возможным, благословляет вступление во второй брак. Если вы сейчас напишете в Московскую патриархию просьбу совершить церковный развод, потому что вы повенчались, но развелись со своим мужем или женой, то вы получите очень короткий ответ о том, что Московская патриархия благословляет вас вступить во второй брак. Ни слова о разводе там не будет, развода Церковь не благословляла и не будет благословлять. Но если вы уже развелись, свою семейную жизнь разрушили и просите у Церкви благословения на заключение церковного брака, Церковь вас благословит вступить во второй брак церковный для того, чтобы исцелить вашу греховную жизнь, оставить вам надежду и дать возможность снова начать строительство церковной жизни.

Это, конечно, опять-таки экономия, послабление, уступка немощи человеческой. Иногда эти уступки воспринимаются нами почти как попустительство, но Церковь всегда помнит слова Христа: "Милости хочу, а не жертвы" и предпочитает чрезмерно уступить, а не проявить чрезмерную строгость, но это никак не означает, что взгляд на брак изменился. Плохо только то, что благодаря тойновелле Льва VI Церковь утратила прежний образ таинства брака, и теперь совершается второе венчание подобно первому, т.е. в самом чинопоследовании брака мы часто не почувствуем, что Церковь не признает второго брака, как первого, не придает ему того достоинства, которое придает первому и единственному браку. Теперь мы этого не почувствуем, особенно если вступает в брак, скажем, второбрачный с девицей или наоборот, когда ради вступающего в брак впервые венчание совершается по полному чину, а не по чину для второбрачных. Тогда не видно, где епитимья, не видно, что Церковь не меняет своего отношения к браку, которое диктуется Христовым евангельским учением.

Интересно, что сам Лев VI своей жизнью как бы показал, как вредно императору вмешиваться в церковную жизнь, в церковное законодательство, вообще в церковные нормы. Он, желая как бы таким образом освятить государственную жизнь, воцерковить ее, желая не по разуму духовному, сам же надругался над своими церковными законами, потому что пожелал вступить в четвертый брак. А Церковь, допуская второй и — с большими оговорками третий брак, никогда не соглашалась никоим образом допустить четвертый брак. На это всегда существовал категорический запрет Церкви. Но император пожелал вступить в четвертый брак, но сам же постановил, что брак будет недействительным, если не будет повенчан, и он заставил Церковь венчать его в четвертый раз и тем самым показал, к каким последствиям привело его нелепое законодательство, т.е. к полной девальвации церковного

— 10 чина. Иными словами, он вынудил Церковь отказаться от своего учения — вот к чему привела его неразумная ревность. Если бы не его новелла, то он мог бы бы жениться хоть пять раз — Церкви до этого нет никакого дела, это его частное дело. Когда он женился в первый раз, его бы причастили, а дальше его никто бы не стал причащать, и он мог жениться и регистрировать свой брак законным образом у государства, и Церковь к нему особых претензий бы не имела, поскольку это его личное дело. А вот теперь он навязал свой грех Церкви.

Исходя из этого, очень важно отметить, что недопустимо и нелепо говорить, что невенчаный брак — это блуд. Если кто-нибудь скажет вам такое по неразумию, то помните, что это не церковное учение. Это точка зрения, которая берет начало из этой новеллы Льва VI, которая Церковью никогда по-настоящему не была воспринята. Такого учения мы не найдем и в Св.Писании. То, что говорил Господь о браке, то, что говорил о браке ап.Павел, находится в прямом противоречии с этим учением. Церковь всегда принимала брак как некое законное семейное устройство жизни. Этому браку Церковь всегда воздавала должное и считала этот брак вполне достойным и неукорительным способом жизни. И греха в этом Церковь никогда не видела. Просто брак может быть церковным и не церковным, но это брак, а не блуд. Блуд есть сожитительство вне брака, незаконное сожитительство, т.е. сожитительство людей, которые не желают иметь семью, не желают, чтобы общество воспринимало их как семью, не хотят оформить законно свои отношения.

Вот сейчас часто бывает так: приходят к нам молодые люди и просят их повенчать. Их спрашивают: "А вы расписались в загсе?" Они говорят: "Нет. А какое вам до этого дело? Разве это для Церкви имеет значение? Мы хотим быть повенчанными". Мы говорим, что Церкви это очень важно знать — расписались вы или нет. Они спрашивают: "А почему это так важно? Разве имеет значение для Церкви печать в паспорте, запись в акте? Мы же говорим о таинстве венчания, о том, чтобы получить благодатную помощь Божию, чтобы Господь соединил нас в вечности. При чем же тут паспорт?"

Они искренне не понимают, почему мы так упорствуем, и даже подозревают, что это советская красная Церковь, и ей не позволили никого венчать без загса, и вот попы слушаются советских уполномоченных и т.д. Так бывает очень часто. Но мы остаемся твердыми и, как правило, отказываемся венчать, если пара не расписалась в загсе. И стараемся объяснить, что не сама по себе печать в паспорте нужна нам и не запись в загсе, и не приказ уполномоченного действует здесь — для нас важно, почему вы не хотите расписаться. И они, как правило, сначала молчат и уходят в сторону от этих вопросов, но в конце концов последует признание: дело в том, что жених выпивает и если я с ним распишусь, то он пропишется в моей квартире, а потом я с ним буду разводиться, потому что он пьяница, а он у меня пол-квартиры отберет. Или еще что-нибудь в этом же роде. Иначе говоря, люди не хотят расписаться потому, что они друг другу не доверяют. Потому что у них нет готовности полностью соединить свои жизни — во всем. Они готовы просто так сожительствовать, но чтобы "табачок врозь". Вот в чем дело.

Вот почему мы требуем, чтобы они расписались: узаконивая свой брак, они свидетельствуют о том, что их намерения серьезны, что они хотят иметь семейную жизнь, что перед обществом, перед государством они хотят быть мужем и женой и нести всю полноту ответственности за свою семейную жизнь. То есть они принимают друг друга такими, какие они есть, во всей полноте, с недостатками, и согласны нести свой крест, согласны жертвовать всем — вот почему мы требуем законного оформления брака. И если люди не хотят этого законного оформления, тогда мы говорим, что они блудники и живут незаконной жизнью.

Если же они свою семейную жизнь узаконили, то это брак. Но брак этот не церковный. Если это брак не церковный и теперь кто-то из супругов поверил в Бога и пришел в Церковь — будем ли мы его причащать? Конечно, будем. Более того, мы к нему можем применить слова ап.Павла о том, что если ты христианка и ходишь в церковь, а муж твой, который не является христианином, позволяет тебе ходить в церковь и не требует развода, то и ты не ищи развода. Потому что кто знает: может быть, ты приведешь своего мужа в Церковь. Эти слова ап.Павла вполне действенны в этом случае. И, конечно, мы в таком случае не будем вменять такой брак в грех женщине и говорить, что она блудница, потому что живет в невенчанном браке. Как она может быть повенчана, если муж ее неверующий? И ничто не препятствует таким людям причащаться Св.Христовых Таин.

Более того: очень часто, когда во время поста встают разные проблемы, приходится идти на всякие послабления, потому что невозможно в семье такой сложной устроить во всей полноте церковную жизнь. Но ради доброго намерения, доброго подвига ведь женщина обратилась к вере, — ради этого вполне возможны разные послабления. Другое дело, если православная христианка возьмет и выйдет замуж за неверующего человека или некрещеного, бывает даже за мусульманина. Вот здесь во всей строгости может быть применен закон Церкви, который написан в правилах апостольских, т.е. в самых древних правилах: в этом случае женщина должна быть пожизненно отлучена от Церкви как изменившая Богу, изменившая Церкви. И не потому, что она стала блудницей, а потому, что она имела полноту церковной жизни и променяла ее на жизнь не церковную. Она знала о том, что такое церковный брак, она была призвана к этой чистой, полной, благодатной жизни. И променяла ее на жизнь не полную, не благодатную, не праведную. Не может быть церковного брака с неверующим человеком. Она это знала и захотела такой неправедной жизни, она отказалась от своего призвания, от жизни со Христом отказалась ради того, чтобы удовлетворить своим чувствам, своим пристрастиям. Это воспринимается Церковью как предательство, и в древности Церковь была здесь неумолимо строга. Вот таких по строгости закона не полагается причащать.

В наше время, правда, и здесь священники действуют по принципу: милости хочу, а не жертвы. И здесь проявляется снисхождение, но это уже дело совести священника, и никакие каноны не могут его оправдать. Конечно, церковного брака здесь уже нет. Хотя бывают, по милости Божией, удивительные случаи, когда и здесь любовь каким-то образом с помощью Божией торжествует и постепенно какими-то неведомыми путями Промысл Божий приводит второго супруга в Церковь и впоследствии можно бывает этот брак воцерковить.

Таким образом, брак православного христианина с нехристианином Церковью всегда воспринимался как тяжкий грех, как измена Церкви. И, конечно, это ничем нельзя оправдать и никак нельзя смягчить церковную норму. Хотя опять-таки бывают случаи каких-то исключений, и исключений этих отрицать нельзя, потому что благодать Божия выше закона. Поэтому священник может иногда взять на себя какое-то экстраординарное действие, противоречащее букве закона, но воспринимаемое им как следование воле Божией, если он чувствует со всей ответственностью, что может здесь дерзать и отвечать перед Богом за свое дерзновение.

Очень существенно для понимания таинства брака понять те ограничения, которые полагались Церковью еще в посланиях апостола Павла на священнослужителей для принятия сана. Если идеальные нормы христианской жизни очень часто не достигаются в жизни мирской, то, конечно, для священнослужителей Церковь эти нормы оставляет в силе и требует, чтобы для священников осуществлялся тот идеал, который следует из Евангелия. Поэтому для священнослужителей Церковь оставляет требование абсолютной моногамии, т.е. священник может быть рукоположен только тот, кто имеет вступает в брак только один раз и женится на девице. Всякое другое понимание личной жизни Церковью считается препятствием для принятия сана. Здесь должна быть соблюдена абсолютная чистота, и до сих пор, слава Богу, наша русская православная Церковь отрицает второбрачие духовенства, т.е. священник не может быть рукоположен, если он второбрачен, а если он овдовел, то он не может жениться второй раз.

Очень характерно здесь то, что Церковь в древности таинство крещения принимала как смерть для прежней жизни и рождение в жизнь новую. Поэтому все, что было до крещения, считается как бы не бывшим. И если священник теперешний был, скажем, до крещения женат, а потом развелся, то его вступление в брак в крещенном состоянии не считается вторым браком, а считается первым браком. Здесь нет препятствия для принятия сана, потому что все, что было до крещения, не является препятствием.

Строгость этой нормы особенно видна в такой коллизии. Если, например, жена священника изменила ему и священник ее простит и примет, то тогда он запрещается в служении по канону, т.е. не имеет права служить. И поскольку прелюбодеяние это смертный грех, который считается Церковью концом брачной жизни, он должен с ней развестись, если желает служить дальше. Потому что смертный грех не может быть терпим среди священников. Он должен развестись и больше не жениться — либо оставаться вдовым, либо принимать монашество, но вступить во второй раз в брак он не может и остаться с этой женой тоже не может.

Здесь вы видите строгость, с которой Церковь проводит свое учение на протяжении уже 2 000 лет. Именно в русской православной Церкви эти нормы продолжают жить и действовать, и из них видна идеальная церковная позиция, идеальное учение о сущности брака.

Для того чтобы те запреты, о которых я говорил, были для вас более ощутимыми, скажу еще об отношении Церкви к смешанным бракам. Так называются браки между православными и инославными. Например, между православной или католиком, католичкой и протестантом. Вам, наверное, известно, что Святейший Синод (не спешите меня поправить: именно Святейший, а не Священный; до революции, когда не было Патриарха, Синод назывался Святейшим) в России, где бытовали и даже, может быть, в особой степени те византийские нормы, когда император считал себя вправе весьма серьезно вмешиваться в церковную жизнь (так называемый цезаропапизм), — в России Святейший Синод в угоду царской власти шел на весьма серьезные компромиссы. В частности, смешанные браки допускались Святейшим Синодом. И трудно было их не допускать, потому что русские императоры, как известно, постоянно брали себе жен из немецких протестантских семей. Если не сами императоры, то их родственники ближайшие. В царской фамилии эти браки практиковались постоянно, и не допустить их Святейшему Синоду было чрезвычайно трудно. Поэтому они допускались, и более того, допускалось венчание.

Конечно, это венчание не было тем таинством брака, которое совершалось в древней Церкви, потому что оно отделено от Евхаристии. Может быть, поэтому Святейший Синод относился к этому более легко, хотя, может быть, даже не все митрополиты были в курсе такого учения о браке. Богословское учение о браке в 19 веке было очень немогущим, слабым и не проясняло такого церковного отношения к браку, о котором я говорю сейчас. Но тем не менее митрополиты, движимые необходимостью компромисса, допускали венчание — но и только. Конечно, никто не причащал протестантов

Св.Христовых Таин. Брак этот был, конечно, с точки зрения церковной не было таинством в полном смысле слова. Естественно, что таинство и не могло совершаться в полном смысле слова над тем, кто не был членом Церкви.

С точки зрения древней Церкви такие смешанные браки невозможны. Именно в силу того, что таинство брака есть дар единства в едином Теле Христовом, — с этой точки зрения брак невозможен как таинство вне этого единства. И древние Соборы Лаодикийский, Карфагенский, Халкидонский — определяют, что подобные браки, заключенные по гражданскому закону, должны быть в Церкви расторгнуты как условие для принятия церковного таинства. То есть не только не могут быть приняты, но даже к Чаше Христовой не допускается тот, кто допустил такой смешанный брак — по древним законам.

Это весьма важный момент. Можно легко перепутать, и такая путаница очень часто имеет место. Можно спросить: вы же только что говорили, что можно причащать женщину, которая замужем за неверующим, а если она замужем за католиком, то ее уже нельзя причащать. Где же логика? Логика здесь есть, и притом самая железная. Дело не в том, в каком отношении к Церкви или в каком инославии находятся супруги, а в том с каким сердечным устройством человек вступал в брак и подходит к Св.Чаше. Если человек, будучи неверующим женился или женщина вышла замуж за неверующего, а потом обратилась к вере, т.е. от неверия идет к вере, к Церкви, то никто ей в этом не препятствует. Это похвально, и никто не видит здесь греха. Она выходила замуж за неверующего, потому что не могла выйти за верующего, будучи сама неверующей. Теперь она поверила, и брак их воспринимается как брак, и теперь есть надежда, что муж ее воцерковится и брак освятится. Здесь нет препятствий для ее причащения.

Другое дело, когда человек, имевший полноту церковной жизни, от нее отказывается и уходит из Церкви для того, чтобы устроить свою жизнь по похотям этого мира. Здесь противоположная направленность, противоположная тенденция: не к Церкви человек идет, а от Церкви, не ко Христу, а от Христа. И коль скоро он повернул от Христа, мгновенно закрываются царские двери от него и к Чаше он, конечно, не допускается. В его жизни нет той направленности, того стремления, которое диктует всегда любовь. Он не к Богу стремится, а к удовлетворению своих чувств, своих эмоций, к устройению своей земной жизни. Не любовь к Богу, ко Христу, к Церкви является законом его жизни, а его собственные чувства, его влюбленность, его земные планы и т.д. Тогда нет ему пути к Чаше Христовой, тогда он является предателем, изменником. Таковой отлучается от Церкви.

Но эта древняя строгость была утрачена в русской Церкви императорского периода, и, разрешая венчать смешанные браки, Церковь не отлучала от причастия православную половину. И надо подчеркнуть, что в жизни бывают исключения, и в церковной жизни тоже — и очень часто. Такие исключения могут диктоваться особенным Промыслом Божиим.

В качестве примера такого исключения я приведу вам брак великого князя Сергея Александровича с великой княгиней Елизаветой Федоровной, который был заключен, когда она была протестанткой, и по действующему законодательству Святейшего Синода они были повенчаны. С точки зрения древней Церкви это полнейший абсурд: они были повенчаны в православной церкви и в протестантской кирхе. Дважды были повенчаны. Конечно, если бы о таком сказать древнему канонисту или епископу 8 века, то он, наверное, сказал бы, что это не только абсурд, но и святотатство. Тем не менее это имело место.

Более того. Они прожили семь лет, и Сергей Александрович никогда не оказывал никакого давления на свою супругу и не требовал, чтобы она приняла православие. Но через семь лет она пожелала принять православие, а потом овдовела, приняла тайное монашество, стала подвижницей, а потом приняла мученическую смерть за Христа и теперь канонизировала у нас как великая преподобная мученица, великая святая.

Так что в последние времена буква церковных канонов не всегда соблюдается, не всегда исключение из правил бывает гибельным. Поэтому не следует только одним канонам усваивать спасительное значение — жизнь церковная шире канонов. Но в то же время нельзя умалить значение канона в Церкви, эти каноны недаром называются святыми. Они выражают церковное сознание, и изучая каноны, нужно всегда уметь почувствовать дух учения Церкви и этому духу следовать. Букве канона мы часто следовать не можем, лучше даже сказать так, что нет, вероятно, в истории Церкви ни одного канона, который бы не нарушался. Каноны писались на текущий момент, и Церковь сама очень часто их меняла. Но дух этих канонов всегда оставался одним и тем же, и этот-то дух мы должны постигать и быть ему верными.

Надо сказать, что Церковь, даже потеряв тот замечательный образ таинства брака, который был с первых времен христианства и до 9 века употребляем, т.е. когда брак заключался в Евхаристии, Церковь все-таки не забыла этого своего учения о том, что полнота этого таинства требует единства в едином Теле Христовом, т.е. требует соединения у Чаши Христовой. И когда таинство брака было секуляризовано, т.е. выделено из литургии, и заменилось чинопоследованием венчания, тогда еще долгое время на престоле поставлялась Чаша с запасными Св.Дарами, и древнее чинопоследование

брака (13, 14 и даже до 15 века) сохраняет следы причащения брачующихся запасными Св.Дарами. В чинопоследование брака входили такие возгласы, как "Преждеосвященная Святая Святым!" или молитва "Чашу спасения прриму", т.е. чтение таких молитв, которые известны по литургии Преждеосвященных Даров. Таким образом Церковь старалась сохранить, удержать древнее понимание таинства брака. И в наше время следует всячески стремиться к тому, чтобы таинству брака вернуть эту древнюю евхаристическую полноту, евхаристическую природу.

Мы стараемся теперь, когда приходят к нам и просят нас о венчании члены Церкви, известные нам по церковной жизни люди, объяснить, что венчание обязательно должно быть с литургией, и зовем их к причастию в день венчания. К сожалению, пока мы еще не смогли вернуться к древнему чину. Нужно было бы, конечно, чтобы к Чаше они приступали в своих брачных нарядах, чтобы все знали, что они сегодня венчаются. И я думаю, что со временем можно будет поставить вопрос о том, чтобы соединить венчание с литургией. Не ликвидируя, конечно, чин венчания, но объединяя его с литургией, подобно тому, как мы можем сейчас вернуться к крещальной литургии. Святейший Патриарх Алексей сейчас благословил нас совершать крещальную литургию, то есть чин крещения соединить с литургией. Думаю, что позднее можно будет соединить и чин венчания с литургией, вернув таинству брака тем самым церковную полноту. Но на это, конечно, требуется какое-то время, хотя я думаю, что это обязательно придет. И таинство брака, которое будет совершаться должным образом, будет восприниматься всей Церковью и брачующимися так, как должно. Они почувствуют тот великий благодатный дар, который дается им и дает им начало новой жизни. Конечно, и сами браки от этого станут другими, они обретут благодатную природу.

23.03.94.